

Ирина ГОВОРУХА

ГИНЕКОЛОГ

Издание второе

Киев
Саммит-Книга

УДК 821.161.1(477)'06-3

Г57

Иллюстрация на обложке: "Coralized".

Художник Татьяна Шацева /

Стандартная лицензия / www.tanyashatseva.com

Говоруха, Ирина.

Г57 Гинеколог / Ирина Говоруха. — 2-е изд. — К. : Саммит-Книга, 2018. — 400 с. — (Серия «Отпечатки»).

ISBN 978-617-7560-71-4

ISBN 978-617-7182-68-8 (серия)

Каждый человек – художник своей судьбы. Можно всю жизнь рисовать бабочек и стрекоз, а можно просто мешать краски. Некоторые даже не рискуют взять в руки кисть.

Мира, молодая талантливая художница, сдалась раньше времени. Она испугалась и поверила в то, что ей «не дано», что нет нужных связей, не того размера полотно и вообще сейчас неподходящее время. Мир вокруг превратился в размытые блики. Душа сжалась в песчинку, и исчезла тень.

Но, чтобы проснуться, иногда достаточно секунды. Достаточно мгновения, чтобы снова ощутить жажду жизни и потерянный цвет.

УДК 821.161.1(477)'06-3

Все права защищены.

Охраняется законом об авторском праве.

Воспроизводить какую-либо часть этого издания

в любой форме и любым способом без письменного согласия автора запрещено.

ISBN 978-617-7560-71-4

ISBN 978-617-7182-68-8 (серия)

2018 © Ирина Говоруха

2018 © «Саммит-Книга»

Глава 1

Испытание крестом

Каждый идет над бездной
по своему собственному канату.

*Наталья Солнцева,
«Принцесса из Шанхая»*

1995 год

Лето, полное всевозможных ароматов, уваривалось, как яблочное повидло. От зноя воздух тяжелел и зависал все время «между» – между крышами, скамейками, туями и клумбами с сиреневыми персидскими гвоздиками. Между калитками, колодцами, трамвайными путями, подъездами, павильонами и потными человеческими пальцами. Атмосфера напоминала полотно, которое можно натянуть на подрамник, или запотевшее кухонное стекло после всенощной варки холодца, а может быть крышу зимнего бассейна или стены теплиц, в

Ирина Говоруха

которых выращивают ранний редис и огурцы с пупырышками. Хорошо пропеченное солнце каталось туда-сюда, как по узкоколейке и таранило жидкие облака.

Под университетом было шумно. Абитуриенты, переминаясь с ноги на ногу и вытирая вспотевшие напряженные лбы, ждали начала вступительных экзаменов. Оглядывались по сторонам, знакомились и даже пробовали флиртовать. Пытались успокоить свои натянутые, как бельевые веревки, нервы. Одни продолжали пялиться в учебники, больше не различая ни правил, ни запятых, другие прятали шпаргалки, третьи с интересом рассматривали корпус с широкой, покатою крышей. Чуть дальше, в тени молодого липового сквера, стояли родители – мамы с высокими начесами и отцы в неприличных костюмных пиджаках. Они постоянно проверяли молнии на брюках и вздыхали. Зверски хотелось курить, а еще – кофе.

– Тебя как зовут?

– Мира.

– А тебя?

– Люся. Ты знаешь, я ужасно боюсь экзаменов. Особенно украинского языка. Делаю ошибки в каждом слове.

– Не бойся. Прорвемся.

– Нет, ты не понимаешь. Я двоечница. Еле закончила школу. Просто отцу по секрету сказали, что на этом факультете недобор, и поступят все. А теперь боюсь, что все пройдут, а я завалюсь. И потом я совсем не умею рисовать. Максимум, на что способна – это копировать ландыши и лебедей с открыток. В прошлом году нарисовала вокруг электросчетчика букет пионов, а еще написала свой подъезд мультяшными персонажами. Так

красиво получилось: Кот Леопольд, Винни Пух и пчела Майя. Но я даже не представляю, как это делается на мольберте. Я только на парте и гуашью. А тут, оказывается, все, кроме меня, занимались на подготовительных курсах.

Мира уставилась на Люську и покачала головой, словно столетняя бабка. Потрогала переносицу, поправив несуществующие очки и подтянула повыше свой конский хвост. Волосы у нее были невзрачными, серыми, тонкими. Создавалось впечатление, что к макушке прицепили распушенный моток швейных ниток. И сама она напоминала привидение – бледная, с неухоженными, практически сросшимися, бровями и тонкими, плотно сжатыми губами. Не то что Люська. Полноватая, с черными глянцевыми волосами и румянцем от уха до уха. С большой высокой грудью, гитарными бедрами и кукольной талией. В белой люрексовой кофте, черной юбке с двумя «золотыми» замками и замшевых босноножках. На шее – черный плюшевый шнурок с праздничным серебряным крестом.

Мира с самого детства напоминала узкую строительную доску. Из таких настилают полы или строят заборы. У нее не было ни бедер, ни попки, ни груди. Так, легкая припухлость, больше напоминающая отек. Одевалась всегда скромно: блуза из полиэстера, бесформенные брюки и туфли с закрытым носком. Хорошо знала математику, блестяще рисовала, писала без орфографических ошибок и с закрытыми глазами могла показать на карте крохотные страны, типа Науру и Тувалу. Все ее считали зубрилкой и выскочкой, а она старалась

Ирина Говоруха

держаться в стороне. Не открывала рот, если не спрашивали. Не встречалась с парнями, хотя одноклассницы уже принимали противозачаточные таблетки, и некоторые даже сделали по одному аборту. Не разбиралась в петтинге, который подружки называли тинейджерским сексом, неккинге – ласках выше пупка и никогда не занималась даже мастурбацией. А зачем? Ее мама – школьная библиотекарша, тихая, словно ночь в рождественском гимне, постоянно предупреждала о соблазнах и искушениях, проводила долгие кухонные беседы, а еще хвасталась, как когда-то остроумно осадил своего ухажера:

– Представляешь, наглец. У меня было платье с пуговичками, маленькими, как гранатовые зерна. И вот однажды мы целовались, а он незаметно их расстегнул. Я говорю: «Ну что, умник? Справился? А теперь давай все то же самое только в обратном порядке».

Мира готовилась к поступлению в институт со своей лучшей подругой Мынькой. Они вместе читали о Рафаэле и Микеланджело, бегали на этюды к движущейся по спирали речке и делились масляными красками. Мира одалживала церулеум, а Мынька – зеленый ФЦ. А потом подружка неожиданно забеременела, бросила школу и переехала к тому мальчику. Называть его «мужем» не поворачивался язык. Худенький, в зеленом блейзере и таких же брючатах. Все его так и называли – «Кузнечик».

В их городке эту историю вспоминали часто и до сих пор сплетничали, раскачивали головами по типу маятника и выдумывали новые подробности. Цокали языками, будто пианинными молоточками:

– Ей ведь только шестнадцать лет. Весит сорок пять килограммов, сама еще ребенок. Хорошая, талантливая девочка. Неплохо рисует и поет. И родители – не последние в городе люди; отец – парторг, мама – продавец галантереи. И на тебе!

– Ну, да, видели ее с мальчиком – внуком Антоновны, так что теперь? Он приезжал на каникулы и ничем особо не выделялся. Худенький, зеленоватый, незапоминающийся. Все прогуливались, держась за руки, недалеко от Свято-Михайловской церкви и покупали в универмаге карамельки на развес...

А потом на уроке геометрии девушке неожиданно стало плохо. Она вышла к доске, взяла в руки указку и потеряла сознание, чудом на нее не напоровшись. Прибежала медсестра, и девочки, будучи в шоке, стали рассказывать, что это уже не в первый раз и что несколько раз ее рвало после урока физкультуры. После осмотра у гинеколога выяснилось, что Мынька уже на пятом месяце.

В ту ночь в квартире у Мыньки не сомкнули глаз. Из Днепропетровска приехала семья «Кузнечика» в полном составе. Родители что-то решали. Истерили. Искали виноватых, заламывали руки и пили водку. А потом успокоились, смирились, забрали документы из школы и устроили свадьбу. Тихую, словно у кого-то украденную. Без лент, шаров и дурацких транспарантов типа «Бей мужа чайником – будет муж начальником!»

Октябрь уныло месил свою глину, и поздние хризантемы давно скисли под дождем. Небо нависало черной судейской мантией, стремительно распространялась сырость, будто вирус «мышинной лихорадки». Пахло

Ирина Говоруха

ранней зимой. Одноклассники, как воры, толкались у подъезда и поминутно оглядывались.

За неделю до назначенной даты весь их класс вызвали к директору. Он сидел за столом, щелкал шариковой ручкой, разглаживал усы и листал классный журнал. Делал вид, что проверяет успеваемость:

– Значит, так. Кто сунется на свадьбу – выгоню из школы. Это вам учебное заведение, а не бордель и тем более не родильный дом. Размножаться надумали в шестнадцать лет, да еще праздновать!

Он вдруг резко вскочил на ноги и устрашающе завис над столом:

– И, что по-вашему, сломанная жизнь – это повод для праздника? Она же выбыла из всего. Из университета, из студенческих походов, капустников и кинопремьер. И вы это собираетесь отмечать?

Ребята, шушукаясь, попятились к двери. На информатику решили не ходить и долго совещались в спортивной раздевалке. Особенно выступала староста, размазывая неумело подведенную карандашом бровь:

– Как же так? Все относятся к ней, как к преступнице. А она никого не убила, не украла, не предала. Она просто ждет ребенка.

В субботу вечером они по очереди подходили к дому и, запинаясь, поздравляли Мыньку. Она ждала у подъезда и подбегала к каждому, придерживая запачканный и тяжелый подол платья. Ее животик уже напоминал баскетбольный мяч, и они, стесняясь, шутили:

– Ну, как там наш самый юный ученик? Уже освоил тригонометрические уравнения? Ты прости, что не

сможем зайти... Сама понимаешь. Поздравляем и все такое. Вот, держи.

И протягивали свои странные подарки. Каждый вынес из дома что-то взятое без спроса – набор рюмок, супницу, отрез ткани, книги, начатый гель для душа и взбивалку для яиц. Мокрые бордовые астры, сорванные в палисадниках, и даже настоящий огненный гелиум. А невеста бодрилась, старалась улыбаться и повторяла:

– Я ни об одном предмете так не жалею, как о литературе.

Миру отец и вовсе не пустил:

– Не хватало, чтобы она делилась с тобой подробностями своего греха.

Только она не послушалась. Демонстративно схватила вазон расцветшей герани и хлопнула дверью.

Девушку из трансa вывела Люська. Она ощутимо толкнула ее локтем и указала на дверь. На крыльце стоял мужчина в старомодном костюме в клетку гленчек. Квадраты в местах пересечения выглядели, как растопыренные «куриные лапы». В таком отец Миры женился и потом всю жизнь перестраивал дачу. Дядечка с желтыми волосами и в несвежей рубашке подтянул брюки под самую грудь и подозвал собаку. Толстая перекормленная дворняга медленно подошла. С растянутых сисек капало молоко прямо на мраморные ступеньки. Он погладил ее по грязной свалывшейся на спине шерсти и стал отдавать распоряжения – где вскопать, где высадить низкие бордюрные цветы и поменять надколотую плитку.

– Кто это? – Мира спросила одними губами.

– Ректор.

Ирина Говоруха

– А что с ним?

– Ничего, просто творческая личность.

На самом деле у ректора подозревали шизофрению и аффективные расстройства. Многие его боялись. Некоторые ненавидели и старались лишней раз не попасться на глаза. Только он был выгоден и абсолютно безобиден. Хороший хозяйственник и талантливый живописец. Шатался коридорами, распевал баллады, кормил собаку, преподавал философию, постоянно теряя мысли и цитаты, рассуждал о дуализме и время от времени выходил из себя. Вернее, взрывался сухим порохом. А еще строил гнезда для аистов, отлавливал курильщиков и сопровождал их за руку в актовый зал, в котором в принудительном порядке демонстрировал фильмы о вреде сигарет.

Ректор зашел в аудиторию сказать напутственную речь. Обвел всех на удивление вменяемым взглядом, открыл рот и вдруг покраснел. Из его рта потекла слюна длинным упаковочным шпагатом. Таким бабушки подвязывают помидоры и пакуют старые газеты. Он, не мигая, смотрел на Люську и ее крестик. Краснота начала подниматься к волосам, прилипшим к коже мокрой соломой, а затем сползать за воротник, увеличивая зоб до гигантских размеров:

– Ты куда пришла? В церковь или на вступительные экзамены? Где ты видишь здесь иконы и алтарь? Или, может, я похож на митрополита? Сними немедленно! Я не позволю, чтобы в моем учреждении устроили молебен. И потом, как ты собираешься сдавать главный предмет? Что ты в нем поймешь, если голова забита

постами и причастием? Еще Гегель рассматривал религию, как незрелое философствование и как слепую веру. А философия – это логика и свободное мышление.

Люська испугалась и задрожала всем телом. Низко опустила голову и уставилась в пол. Ее нездоровое сердце, бухающее уже в районе тазового дна, начало сбиваться с ритма. Уши мгновенно заложило ватными турундами, и дыхание стало поверхностным. Ей казалось, что все на нее осуждающе смотрят. Посмеиваются. Мира, сидящая сзади, интуитивно протянула руку к ее шее и незаметно открыла защелку. Крестик тихонько упал в лиф и уютно устроился в чашечке бюстгалтера. Ректор поморгал, застегнул разъехавшуюся ширинку, подошел к открытому окну и, заметив мусорную машину, полностью переключился на нее. Лег пузом на подоконник и стал с удовольствием ругаться:

– Куда ты едешь со своими баками? Здесь будет детская площадка.

Водитель что-то ему «пролаял» в ответ.

– А ты как думал? У меня тут студенты с детьми.

А потом хлопнул створкой, вытер вспотевшую шею и, как ни в чем не бывало, рассказал анекдот:

– Встречаются два студента, и один другому говорит: «Вот, купил недавно книгу кулинарных рецептов, только ничего не могу приготовить. Ни одного толкового». Второй интересуется, почему, и первый с радостью объясняет: «Понимаешь, каждый рецепт начинается со слов: „Возьмите чистую кастрюлю“».

Все вымученно рассмеялись, ректор кивнул бледной, будто снятой с креста, преподавательнице и хлопнул дверью.

Ирина Говоруха

После первого экзамена девочки вышли подругами. Солнце уже сделало прыжок и приступило к обжигу гладких вязов, точно глиняных горшков. Тени сузились, превратились в каракули, и запахло медовой петунией. Люська держала Миру под локоть и продолжала уточнять, сколько в диктанте было «тире». Горевала:

– Блин, а я поставила аж «четыре». Слушай, а как пишется полшестого? Слитно или раздельно?

Мира терпеливо объясняла, и Люська впадала в еще большую панику:

– А я написала «пол» буквами, а шесть – цифрой.

Второй экзамен по рисунку перенесли на несколько дней раньше, и родители решили оставить Миру в общежитии. Купили ей сменные трусы, зонтик, пачку макарон и банку тушенки. Кусок мыла и дешевое, ничего не впитывающее, полотенце. Люська, хохоча и уже полностью оправившись после пережитого, с тающим мороженым в руках уточнила номер комнаты и пообещала заскочить вечером:

– А что? Прогуляемся и поболтаем. Не сутками же напролет заниматься.

Люська явилась около семи в домашнем сарафане с растянутыми шлейками, завязанными в узел, в резиновых мыльницах, напоминающих клубничный мармелад и с нитяными браслетами на двух руках. Объявила, что родители ждут к ужину и попросила поторопиться. А пока шли, показывала город:

– Вот здесь новый ЗАГС. Это наша гордость и место, куда хочется попасть любой ценой. Когда я была младше, по субботам прибегала смотреть на невест. И ты

представляешь, каждая вторая выходила замуж беременной. А вот мой детский сад.

Мира без особого интереса посмотрела на заросшую детскую площадку, ржавые тошнотворные крутилки, горку из черного металла, на которой можно было поджарить задницу, и табличку с большими сказочными буквами «Дубок». Люська ускоряла шаг и комментировала:

– Вот моя школа, стадион. Видишь скамейки? На них мы вечерами играли в «подкидного» и «бутылочку».

– И что, ты целовалась?

Люська фыркнула:

– Ну конечно! Еще как!

Дома от пережитой за день жары искажались, превращаясь в объемные геометрические фигуры: прямоугольники, трапеции, ромбы, параллелограммы и цилиндры. Все окна, крыши, козырьки удлинялись, растягивались, сужались, и невозможно было понять их изначальную форму и высчитать площадь, объем и длину хоть одной арки. Мира остановилась, зажмурилась и рассмеялась:

– Люська, смотри вон туда. Правда, как на картинах Сальвадора Дали?

Девушка достала из туфель-мыльниц застрявший камушек и потрогала пятку:

– А кто такой Сальвадор Дали?

Через пять минут они оказались во дворе Люськиного дома. Он был похож на огромный квадратный колодец с неровным асфальтовым дном и бетонными

Ирина Говоруха

стенами, обрисованными мелом, «крестиками-нолика-ми» и нецензурными словами. Со странными погребам-ми под плоскими крышками, железными гаражами и скамейками, на которых оживленно беседовали любопытные хозяйки. Люська громко поздоровалась, сняла обувь и полезла в погреб:

– Мамка просила достать перец в томатном соке и тебе что-то с собой. Ты любишь варенье? У нас есть смородиновое и из крыжовника. Вишни не дам, это лучшая начинка для рогаликов, а клубничного мало. В этом году неурожай.

Затем они поднялись на пятый этаж и оказались в темной прихожей с наваленными пальто, зимними сапогами и банками, которые ждали, пока их вынесут. В них был потерявший свой изначальный цвет щавель, огромные желтые груши и жареные кабачки. На всех дверных ручках болтались связанные платяные пояса, и Люська, увидев в глазах Миры вопрос, охотно объяснила:

– Двери просто разошлись и не закрываются, вот мы их и фиксируем. Да не стой в коридоре, проходи.

Мира шагнула в гостиную и огляделась. У стены стояли мешок с луком и два мешка сахара. На люстре болтался дождик. На подоконниках в стаканах из-под сметаны боролись за жизнь чахлые ростки. В кресле – простыни и наволочки с вмятинами от прищепок. На столе – коробка с елочными игрушками:

– Все некогда вынести. Не обращай внимания. У нас тут вечный «Шанхай».

Вдруг из кухни выбежали дети в одних трусах и пронеслись, имитируя звуки пожарной сирены:

– А, это племянники. Сестра привезла их на недельку, пока у нее консервация.

Люська ущипнула самого младшего за попку и провела Миру в свою комнату, напоминающую оранжерею. Первыми бросились в глаза широкий подоконник и стол, заставленные вазами, торфяными горшочками, яичными лотками, пластиковыми емкостями из-под маргарина и йогурта и бумажными пакетами из-под молока, кефира и сока. Люська с любовью посмотрела на ростки и стала объяснять:

– Я выращиваю анютины глазки, фиалки и миниатюрную розу, а потом продаю их на рынке в поминальные дни или накануне Дня учителя. Они боятся сквозняков, агрессивного солнца и холода. Отец, конечно, психует и нервничает, что устроила в квартире ботанический сад, только для меня это заработок, и мне не приходится просить у него на тампоны, туалетную воду, колготки и лак для волос. А в этом году перед «последним звонком» так хорошо шла торговля, что я даже смогла себе купить ангоровый свитер с хомутом.

Люська распахнула шкаф и выудила из него серую лохматую «кишку».

Она гордилась своей хозяйственностью и экономностью. Обожала магазины «Все по пять», с удовольствием занималась соленьями, особенно ей удавались синенькие. Пекла хлеб, бисквиты и торты со сгущенкой. Выписывала журналы «Лиза» и «Отдохни». Собирала силиконовые формочки для кексов и подшивала апробированные рецепты. Иногда возмущалась так, что белели крылья носа:

Ирина Говоруха

– Нет, ну ты мне скажи, что это за блюдо «Чилийский сибас с полентой и морковной эспумой»? Где мне взять филе этого сибаса и листик мангольда? Они что, издеваются? Я понимаю – хек, жареный в кляре. Или карасики, маринованные в сметане. А это? Непонятная рыба, кунжут, оливковое масло. Да они знают, сколько это все стоит? И сколько «этого» нужно, чтобы накормить большую семью?

Из кухни донесся крик. Мама звала девочек на помощь. Мира забежала в ванную вымыть руки и ужаснулась: ржавая раковина, горы несвежего белья и влажные полотенца, а потом осторожно зашла на кухню. Мама, полная круглолицая женщина с добрыми глазами, как раз жарила котлеты. На плите, черной от присохшего сбежавшего молока, супа и еще чего-то красного, типа кизилового варенья, в большой пятилитровой кастрюле кипел картофель. В огромной миске – красный с белыми жилами фарш. Он напоминал вываленные из брюха кишки. На двух сковородках плевалось и фыркало растительное масло. Она лила его щедро из большой бутылки, в которой раньше было жигулевское пиво.

– Заходи, Мирочка. Меня зовут тетя Рая. У нас тут все по-простому. Вот тебе хлеб, нож, доска.

А потом повернулась к Люське и пожаловалась:

– Ну, никак не могу экономно лить. Как не стараюсь, а все равно уходит литр в неделю.

Потом появился отец и стал с порога рассказывать о каком-то Григории, который сперва дал команду зачистить траншею, а потом снова в том же месте вырыть яму.

– Не, ну ты представляешь? Дурная голова рукам покоя не дает.

Иван Петрович работал бульдозеристом. Невысокого роста с женскими ягодицами, надутым животом и стеклянным глазом. Несколько лет назад снимал цепь, и от нее что-то откололось. Он тогда промыл глаза талым снегом, проморгал и махнул рукой. И только, когда глаз стал заплывать белой пленкой, обратился к врачу, но было уже поздно. Глаз пришлось удалить, вставить искусственный и теперь мучиться от глазного давления.

Тетя Рая, щурясь, переворачивала котлеты и уже с трудом отдирала их от поверхности сковороды:

– А ты не спеши выполнять распоряжения. Вдруг их отменяют.

Иван Петрович хлопнул себя по промасленным коленкам и завелся:

– Просто бардак в стране! Бардак в верхушке и, понятное дело, у нас – простых работяг.

Он достал из холодильника банку узвара и долго пил прямо из нее. Затем удовлетворенно крякнул, обтерся и пристал с разговорами к Мире:

– Вот при Андропове, я понимаю, был порядок. Он заставлял людей работать и чистил кинотеатры от тунеядцев. Друзинники в любой момент могли остановить посреди улицы и спросить: «Почему не на службе?» Проверяли магазины, не отовариваешься ли ты колбасой в рабочее время. Делали облавы в банях и на рынках. Пытались убраться с прилавков иностранные товары, а сейчас? Что ни возьми – Китай. Мы что, сами уже трусы сшить не способны?

Ирина Говоруха

Мира с Люськой переглянулись, хмыкнули и начали расставлять тарелки, вилки, раскладывать хлеб. Отец уже переоделся в линялую, когда-то зеленую майку и спортивные, выстиранные до марли, штаны и дремал в кресле. Телевизор кричал, словно в доме жили слабослышащие. Девочки несколько раз порывались его выключить, но Рая не разрешала, она ждала «Петербургские тайны». Дети бегали за кошкой и норовили ее запеленать. А потом, когда наконец-то все уселись за стол, Иван Петрович ни с того ни с сего начал рассказывать о кролях, обращаясь исключительно к жене:

– Слышишь, вроде и рано еще. Молодая. Всего четыре месяца, а сегодня смотрю – нервничает, грызет полку и стучит ею об пол. Взял на руки, а она рычит, и половая петля припухшая. Так что будем делать?

Рая задумчиво жевала капустный салат:

– А я по чем знаю? Ты же у нас этим занимаешься.

Потом увидела знакомые титры и нырнула с головой в телевизор. Ее муж, не пробуя, еще раз все подсоллил и обратился к Мире:

– Думаю, еще подержу. Ты понимаешь, какое дело? Случка всегда происходит в клетке самца. Он в ней себя чувствует спокойнее и увереннее. Все случается очень быстро, просто нужно убрать отвлекающие предметы и шумы. После этого кроль падает на бок и рычит. Значит, все прошло успешно. Через шесть дней – контрольная процедура. Если самка принимает самца – значит, не оплодотворена. Если кусается, дерется и убегает – точно есть беременность, и значит нужно отсчитывать тридцать дней.

Он сделал паузу, задумчиво съел картофелину и почесал за ухом:

– А знаешь, как происходит окрол? Не знаешь?! За два-три дня до окрола она делает себе гнездо. Рвет с животика пух, измельчает сено. Пухом укрывают крольчат. Крольчиха после окрола много пьет. Если нет воды – нервничает и разбрасывает детенышей. А бывает – даже съедает.

Мира слушала, кивала, поддакивала и даже не заметила, как съела пять котлет.

Глава 2

Мира

Родители Мира познакомились во сне. Так утверждал отец. На самом деле в одну из январских суббот военные пришли на танцы, а Вера с подружками-учительницами как раз дежурила в клубе. Тогда было принято присутствовать в церквях и домах культуры и записывать бунтарей и смельчаков. На улице стоял невыносимый холод. С крыш свисали метровые сосульки. Ветки деревьев, будто оклеенные рисовыми зернами, не шевелились, и дороги, застеленные белыми ватманами снега, переливались алмазной пылью. Полная луна застыла, боясь спугнуть девушку с коромыслом.

Проход по стойке смирно стоял у двери. Не мигая, смотрел на Веру, трогал верхнюю пуговицу, словно она впивалась ему в горло, поправлял пряжку ремня и вспоминал, где он мог ее видеть. И только, когда вернулся в казарму и лег под вытертое солдатское одеяло, осознал, что она ему несколько раз снилась. В той же черной искусственной шубе с мохеровым шарфом. С той же

брошью в виде большой перламутровой фасолины, обрамленной серебряным кружевом. В первом сневидении она медленно вышла из леса и направилась в сторону реки. Затем оглянулась и равнодушно сказала: «У тебя есть совсем немного времени. До начала ледохода». Он кивнул и кинулся за ней по следу, только девушка следов не оставила.

Во втором сне она сидела на берегу и задумчиво смотрела на двух купающихся уток. Те смешно перебирали красными лапками, имитируя ход колесного парохода из фильма «Все реки текут», крякали и опускали под воду свои длинные переливчатые шеи. Вера смеялась и улюлюкала: «Ты только посмотри, какие забавные, словно дети!» Неожиданно одна из них нырнула всей тушкой и больше не вынырнула. Вера страшно закричала, кинулась к воде, но Прохор успел поймать ее за рукав. Речку мгновенно сковал толстый лед, первая утка резко взлетела вверх и превратилась в сияющую точку, возможно, Шаулу из созвездия Скорпиона, а вторая навсегда осталась под прессом растрескавшегося стекла.

В третьем сне Веры не было. Только дедушка-карлик с запутанной бородой, густыми бровями и камилавкой. Он поднял вверх указательный палец и сказал: «Ты можешь на ней жениться, а можешь струсить, и неизвестно, что для тебя лучше».

Через неделю они уже вместе слушали «Вологду» и танцевали под «То ли еще будет». Он проводил ее до общежития и не проронил ни слова. Вера пересказала все прочитанные за последние годы книги и библиотечные новости. С выражением декламировала «Стихи

Ирина Говоруха

о рыжей дворняге» Асадова и поделилась историей написания «Баллады о прокуренном вагоне». Он кивал, поддерживал ее под локоть и о чем-то сосредоточенно думал. Сосны, промерзшие насквозь, казались пустыми изнутри. Снег разъедал тьму как отбеливатель, и фонари отсвечивали исключительно желтым. Вера оговори-лась, что в середине марта к ней должен приехать жених из Житомира, и Прохор попросил об отмене свидания, подчеркнув серьезность своих намерений. И даже собственноручно отнес на почту письмо, в котором Вера давала парню от ворот поворот.

Встречались они всего ничего. Несколько месяцев – с февраля по май, а в июне поженились. В тот день шел дождь и слишком резко отдавало рыжими лилиями. На Вере плохо сидело платье. Она взяла его напрокат в самый последний момент, когда уже не осталось нужного размера, поэтому приходилось постоянно поправлять то сползающие рукава, то пустоватый для ее груди лиф. Прохор вел себя сдержанно. За весь праздник сказал всего лишь несколько фраз. Спросил: «Тебе не холодно?», уточнил, когда подавать горячее, и после каждого «Горько!» упирался кулаками в бедра и подводил итоги: «Хорошо-то как!»

Жили они сперва в гостинке, оклеенной дурацкими виньеточными обоями, и с люстрой с резными пласт-массовыми висюльками. Потом им дали квартиру – двушку с неудобной прямоугольной спальней, большой северной комнатой и кухней меньше спичечного короб-ка. Вера радовалась и с первой зарплаты купила плюшевый ковер с «Тремя богатырями», настольные часы в виде шкатулки и огромного фарфорового оленя. Позже

они скопили на гарнитур из двух кресел и раскладного дивана и на бобинный магнитофон. Прохор очень любил музыку и часто слушал песни Ободзинского. Садился после работы в кресло и ритмично кивал, черкая острым подбородком воздух. Особенно ему нравилась «Песня о первом прыжке».

Они тяжело притирались и даже в первый месяц хотели развестись. Прохор – подтянутый, худощавый, властный, напоминал длинную линейку для измерения тканей. Крепкий пресс, сильные жилистые ноги, красивые стопы и тонкие пальцы музыканта. Говорил короткими, отрывистыми фразами, ходил по квартире в белой майке, спортивных штанах и исключительно босиком. Даже когда плохо топили и в квартире столбик термометра еле дотягивал до четырнадцати градусов, он все равно мелькал своими сухими синими пятками. Дисциплинирован, с силой воли Маресьева и Гастелло, уважающий научный атеизм и воинский устав. Считал, что мудрая женщина всегда простит и что ее дело маленькое – рожать и вести домашнее хозяйство. Вырос в многодетной семье и полагал, что для жизни нужен минимум: котелок, походная лопата и фляга. Категорически не пил томатный сок. Еще курсантом побывал на заводе и видел его производство от начала и до конца. Мужики топтали помидоры в огромных чанах и смачно сплевывали, а потом, не меняя сапог, выходили на перекур, за накладными и даже в сортир. А еще на дух не переносил сгущенку. В училище они пили ее на спор неразбавленной и за один присест. Однажды он осушил одним махом три банки, после чего утерся, забрал выигрыш и больше никогда на нее не смотрел.

Ирина Говоруха

Проход требовал порядка во всем: в квартире, в мыслях и поведении. Вере приходилось дважды сливать воду при варке бульона, обдавать чашки кипятком, каждый день мыть полы, натирая их фланелью, и окна с нашатырным спиртом. Он любил повторять, что хорошую хозяйку видно по двум показателям: по чистоте стекол и стерильности кухонной плиты. Ел на завтрак исключительно свежий куриный суп, пил крепкий чай из стакана с подстаканником или ягодный компот. Вера послушно морозила клубнику до состояния красных крупных камней. Набрал полный рот воды, старательно через газету утюжила его форму. Крутила валики из полотенец и засовывала их в рукава армейских рубашек для лучшего разглаживания, а потом распахивала окна и выветривала стойкий запах горячей типографской краски.

Вера, напротив, напоминала взбитый белок. И вроде много объема и пышности, а сожмешь – и ничего не остается, разве что липкая ладонь. Миловидная, с выступающим животиком и полными ногами. Уютная и покладистая. Она все делала молча и старалась быть незаметной. Невидимой, чтобы никого лишней раз не потревожить. Молча лепила вареники, молча нанизывала лисички, выбивала ковры, подклеивала книги и проводила в школе Пушкинские вечера. Ее волнение можно было вычислить только по одному фактору: когда нервничала – долго и звонко стучала ложкой. Над сковородой, кастрюлей, тарелкой. Часто в момент разговора обнимала себя руками, скрещенными крест-накрест и склоняла голову на бок. Обожала запах чуть протухшей

селедки, а еще помидорной рассады в момент пересадки в открытый грунт.

Она верила в приметы и была убеждена, что после полуночи нельзя смотреть в зеркало, так как именно в это время есть риск увидеть потусторонний мир. Духов, которых еще не определили ни в ад, ни в рай и они зависли в междометии, продолжая мытарствоваться. И Мира потом очень долго боялась ночных зеркал. Кроме того, Вера не приветствовала в воскресенье любую работу: вязание, стирку, колку дров, утюжку наволочек и штопку, периодически пересказывая историю своей тетки, которая вышивала на Пасху, а потом увидела, как к ее дому торопятся умершие. След в след, смиренно опустив головы. Босиком, в длинных льняных рубахах. Женщины почему-то без платков и в разорванных нижних юбках тихо пели песню, вернее, молитву и затравленно оглядывались по сторонам. Бледные, простоволосые, как русалки на картине Крамского. Ее прадед уже занес руку, чтобы постучать в окно, но тетка вовремя спохватилась, начала читать 90-й псалом, и мираж осел дымкой у подведенного синим фундамента.

Вера и Прохор любили друг друга по-своему. Очень дозировано. Будто выдавливали любовь из тюбика. Капали строго по рецепту из пипетки на сахарок. Взвешивали чувства на аптекарских весах – сто граммов на порцию, ни больше и ни меньше. Они обосновались в сорока километрах от Киева, в небольшом городке с хлебобулочным комбинатом, выпекающим свадебные караваи, сухари и пародию на торты, с железнодорожной станцией, на которой тетки торговали беляшами прямо из младенческих колясок, и сбитым на скорую

Ирина Говоруха

руку рынком. Там всегда можно было купить свежее молоко, сушку, квашенную капусту, пучок калины и луковую шелуху для поминальных яиц. За рынком – бюро ритуальных услуг с оббитыми шелком гробами и габровыми памятниками. Шашлычная. Четыре школы: две обычных, лицей и школа-интернат. Цветочный магазин, кузня, бар «Невинный садовник» и центральная парикмахерская. А еще огромный тубдиспансер, в который съезжались кашляющие со всей области, и детская кардиологическая больница.

Мирка с рождения напоминала сосиску. Все у нее было длинным: головка, шея, руки и ноги. Папа боялся брать ее на руки и жаловался:

– Вера, у нее вместо головы цилиндр, и вся она напоминает футляр для чертежей.

Девочка почти никогда не плакала и не смеялась. Молча играла с резиновой уткой, а когда прорезались зубы – отгрызла ей нос и хвост. Прохор назвал ее в честь «мировой революции», а у Веры ее имя ассоциировалось с вечнозеленым миртовым деревом – символом нерушимой любви, мира и супружеской верности. Она любила повторять, что после Большого потопа голубь принес именно миртовую ветвь, и при этом ванильно улыбалась, складывая руки на коленях, как чопорная гимназистка.

Мира росла нелюдистой. Выходила во двор не потому, что так хотела, а потому, что мама поощряла игру со сверстниками. Возле гаражей стояла ржавая клетка, на которой дядьки, бесконечно ремонтировавшие свои мотоциклы, раскладывали шурупы и гаечные ключи. Она

забиралась внутрь и сидела в ней часами, рассматривая мир через круглые очки Кролика из «Винни Пуха». А потом мама не могла понять, почему трусики на попе испачканы ржавчиной.

Обожала конфеты из детской смеси «Малютка», бананы и торт «Наполеон»: пачка маргарина два стакана муки и пол стакана воды. Запахи прибитой дождем пыли, жженных спичек и деревянной стружки – мягкой, теплой, напоминающей голландский сыр, пропущенный через крупную терку. Боялась лечить зубы у толстого стоматолога с пассатижами. Мама каждый раз по ее возвращению от врача пекла творожное треугольное печенье, которое называла марципанами, и читала ей «Чук и Гек» Гайдара.

Когда подросла, она могла часами разгадывать ребусы и кроссворды. Запоем читала детективы, особенно Стивена Kingа и Агату Кристи, и рассматривала хрестоматию по русской живописи, подолгу задерживаясь на любимых полотнах: «Княжна Тараканова», «Сватовство майора» и «Неравный брак». Терпеть не могла сантименты, и как только мама усаживалась смотреть свой любимый фильм «Мужики» и начинала всхлипывать, вытирая глаза кончиком пододеяльника, была готова разбить телевизор. Ее раздражало все: и музыка с дребезжащей балалайкой, и простоволосая ковыль-трава, и дети, оплакивающие продажу коровы. Ненавидела «Белый Бим Черное ухо» и все фильмы про войну.

В один из летних дней она играла «в куклы». У них был настоящий чай, «дюшески» и печенье «Юбилейное». Время от времени девочка поднимала голову и

Ирина Говоруха

посматривала на экран. Шла жуткая черно-белая картина, снятая будто из-под земли, и звучала музыка, почти что «Танго смерти». Кадры наслаивались друг на друга, мелькали голодные вытянутые лица детей и наспех сколоченные полки, напоминающие фанерные ящики для посылок. В таких им тетя Лида из Херсона присылала яблоки, вязаные тапочки, похожие на почтовые конверты, и несколько пакетов ваты.

– Что это?

– Тс... Не мешай. Это концлагерь.

Мира попробовала выговорить новое слово, но оно не умещалось во рту и царапало десны. Один малыш на экране безостановочно чесал бритую головку и тащил свою маму за палец:

– Полежи возле меня.

Только места в «ящике» не было, и он опять засыпал один, поджав под себя коленки, как зародыш в утробе.

Мира начала рыдать, забившись в холодный северный угол, и мама снарядила ее на улицу. Только плечи ходили ходуном и никак не получалось застегнуть сандали.

Августовский воздух уже вскипел. Дворовые собаки крепко спали в тени ореха. Воробьи играли в догонялки, и горько пахло бархатцами. Девочка долго не могла опомниться. Бесцельно бродила вокруг картежного стола и песочницы. Вспоминала загостившуюся у бабушки Мыньку и задумчиво трогала руль мотоцикла ИЖ. Славик, сосед сверху, пытался надеть велосипедную цепь на свой «Орленок», а у нее в голове болталась одна и та же фраза: «Мама, полежи возле меня».

В это же время она увлеклась анекдотами. Вечно подслушивала за старшими и потом выдавала в самый неподходящий момент. Однажды папа ее купал. Она терпела, пока он намыливал голову, а потом выплюнула пену и заулыбалась:

– Женщина пришла на пляж с собакой, которую звали Пушок. Разделась догола, прыгнула в речку и поплыла. Когда вышла, увидела, что нет ни собаки, ни одежды. Прикрылась лопухом и забегала по пляжу, выкрикивая: «Пушок! Пушок!» Мимо проходил мужчина, и она спросила, не видел ли он Пушка. Мужчина посмотрел пристально и ответил: «Вижу, вижу твой пушок через тонкий лопушок».

Прохор замер, а потом не сильно потянул ее за ухо. Девчушка расстроилась:

– Что, разве не смешно?

Миру в классе недолюбливали, сторонились, считали зубрилкой и слишком правильной. А еще выскочкой и даже пробовали затравить, только она не позволила. Однажды все сбежали с урока по трудовому обучению, чтобы посмотреть фильм «Сердца трех», а она единственная осталась. Просто не считала нужным пропустить занятие ради какой-то сопливой картины. Ребята обозлились и на следующий день потоптались по ее новому зеленому пальто в раздевалке. А она, недолго думая, врезала пару раз самым борзым и навсегда отбила охоту себя обижать.

За глаза ее дразнили «тростью с набалдашником». Может, из-за головы, твердой, как камень. Когда

Ирина Говоруха

случайно на уроке физкультуры с кем-то сталкивались лбами, то ей было ничего, а второй отплевывался кровью. Она быстро росла и в четвертом классе вымахала выше всех мальчишек. Ее локти и коленки продолжали заостряться, подбородок выступал и нос казался слишком большим для ребенка ее возраста. Прямые длинные волосы наэлектризовывались и поднимались вслед за шапкой антеннами, а щеки никогда не розовели, даже после стометровки.

В шестом классе после викторины по творчеству Ханса Кристиана Андерсена ей устроили настоящий бойкот. Пионервожатая, вздорная девушка в короткой джинсовой юбке, объявила конкурс среди учеников средней школы. Мира подошла к подготовке со всей ответственностью. Перечитала все сказки, воспоминания и даже переписку с благодетелем Колином. Практически жила у мамы в библиотеке, конспектируя в тетрадь характеристики: некрасив, тощ, долговяз, с длинным носом. Боялся пожаров, поэтому всегда возил с собой веревку, чтобы спастись через окно, а еще собак, пропажи паспорта, отравлений, ограблений и погребения заживо. Каждый раз у кровати клал записку: «На самом деле я не умер». Страдал от зубной боли. Совершил двадцать девять больших путешествий. Имел огромный размер ноги и не переживал, что кто-то из гостей уйдет в его галошах. Учился неважно, даже ниже среднего, и до конца жизни писал с грубыми грамматическими ошибками.

С первых минут викторины она уверенно вошла в тройку лидеров. Отвечала бойко, быстро, без раздумий. И когда пришло время решающего вопроса, услышав первые три слова «Кто сочинил марш...», выкрикнула

фамилию Хартман. Ведь она знала, кто написал марш к его похоронам. Такой, чтобы за гробом поспевали идти дети. Все переглянулись, и по залу прошел электрический разряд. Несколько учительниц выбежали за дверь, как ошпаренные, и оттуда донеслось их громкое возмущение. Дети стали кричать: «Так нечестно! Она знала вопросы!» Мама закрыла лицо руками и спряталась в библиотеке, и только Мира продолжала стоять и с тоской смотреть в окно. Ей было не с кем разделить свою заслуженную победу.

Она лучше всех знала математику и с ходу называла третий признак параллелограмма. Наравне с мальчишками разбиралась в планетарной модели атома и в сути опыта Розерфорда. Запоем читала биографии известных художников и выписывала их чудачества в блокнот. Лотрек мог пописать в церкви, а когда изнывал от жары, держал ноги в тазике с молоком и клал себе на голову ломтик лимона. Пожимал руку с такой силой, что трещали кости, и обожал присутствовать при операциях.

Гоген игнорировал общество, и однажды, когда у них были гости, явился в ночной рубашке и направился через всю комнату за книгой. И только у двери попросил дам «не обращать на него внимания». Много раз был женат, в том числе и на тринадцатилетней таитянке.

У Модильяни первую картину купил слепой, а одной из его возлюбленных оказалась чудачка – английская поэтесса с живой уткой в корзинке. Они часто дрались: она размахивала метлой, а он бросался цветочными горшками. Однажды ему что-то понравилось,

Ирина Говоруха

и он разорвал на ней платье из черной тафты. В ключья. В людном месте, среди бела дня.

Кроме художников Мира интересовалась биографиями самых богатых людей, к примеру, Джона Рокфеллера, любившего хлеб с молоком и до самой смерти заполняющего книгу доходов и расходов, и Генри Форда, доплачивающего за трезвость. Читала мемуары известных архитекторов, скульпторов, артистов и все пыталась вывести некий общий закон благополучия, изобилия, успеха. Отец не поддерживал ее исследований и утверждал, что эти люди просто чудачки и, возможно, везунчики, а мама переставляла все с ног на голову и приставала с одним и тем же вопросом:

– Неужели ты думаешь, что в этом счастье? В славе, богатстве, известности?

Она зависела от чтения. От сюжетов Теодора Драйзера, Набокова, Джека Лондона и Марка Твена. От размышлений Золя и Хемингуэя. Читала все подряд, и однажды нашла у родителей под подушкой книгу, завернутую в спортивную газету. Это была «Эммануэль». Она открыла и стала жадно выуживать фразы, краснея и стесняясь самой себя и своих ощущений. Перечитывала по несколько раз сцену в самолете и то, как Мари Анж ласкала себя двумя влажными пальцами, а потом умоляла подругу проделать то же самое.

Затем наткнулась на роман «Это я – Эдичка» и долго переваривала любовную сцену двух мужчин – белого и негра. Отплевывала ее, как песок с плохо промытых зеленушек. Чуть позже нашла информацию, что автор – русский эмигрант, как-то раз приковал себя наручниками к зданию штаб-квартиры газеты «Нью-Йорк Таймс»,

требуя опубликовать свои статьи. После старалась выхватить любые откровенные сцены в «Любви во время чумы» Маркеса и в романе «Жизнь» Ги де Мопассана, в котором муж главной героини придумал прозвище для ее сосков.

К семнадцати годам она была переполнена самой противоречивой информацией. Посмеивалась над институтом семьи, не верила в любовь, уважала закон Парето, говорящий о том, что «20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий – лишь 20% результата», и считала, что Бог – это энергия или эфир. Никогда не молилась и не носила крестик. Ее раздражала толстая нитка, которая быстро превращалась в серую и неопрятно выглядывала из-под платья или белой спортивной футболки. В ее голове все смешалось: отцовское, материнское, литературное и почерпнутое из запрещенных книг. И не было твердых истин и четких граней типа белого и черного. Не прослеживалось деления на хорошее и плохое, на правильное и абсолютно неверное. С мамой говорить не решалась, та была потеряна для самой себя. Отец ушел с головой в работу и во внебрачные отношения, а она оставалась один на один с книгами, журналами и собственными незрелыми мыслями.

Живописью Мира заболела еще в первом классе. Сперва изучила вдоль и поперек учебник «Русское искусство» с картиной «Не ждали» на обложке, а чуть позже мама стала приносить книги о художниках: «Творчество» Золя, «Луна и грош» Мюссе и «Жажда жизни» Ирвинга Стоуна. В средней школе она перечитала все книги Анри Перрюшо и могла спросонья пересказать

Ирина Говоруха

биографии Мане, Сезанна и Жоржа-Пьера Сера. Каждый раз, когда брала новую книгу-историю, чувствовала сильнейшее возбуждение и подолгу не могла уснуть, перерисовывая стулья, башмаки, ирисы, лошадей, вытянутые модильяновские лица и гогеновских желтокожих девушек. Ей в тот момент казалось, что они по утрам натирают кожу морковным соком.

Мира обожала рисовать и делала это каждую свободную минуту. Когда все гоняли коридорами и играли в «Пионер, дай смену», пряталась за дверью и делала наброски карандашом: завуча в неизменном пальто-шине-ли, директора, разъезжающего на вишневых жигулях, географичку ростом с наперсток, техничку тетю Зину, вечно плачущую и собирающую по домам старые тряпки. Все были в курсе подробностей ее семейной жизни. Муж, отец семерых детей, периодически уходил за хлебом, а возвращался только через две недели. С хлебом.

В их городке не нашлось художественной студии, и мама, проникшись ее увлечением, договорилась о занятиях с генерал-майором в отставке. Он был членом Союза художников Украины и днями напролет стоял в тени плодовой актинидии с огромным треногим мольбертом. Александр писал натюрморты и пейзажи для первого президента, парочки министров и всегда имел много заказов. Он согласился давать уроки за сильную помощь на огороде, и Вера много лет выращивала для него картошку, лук и его любимую цветную капусту.

Художник всегда пребывал в приподнятом настроении, несмотря на то, что обходился без левой ноги и был женат на очень ворчливой женщине. Маленькая,

крикливая, страдающая астмой, она два раза в день смотрела «Санта-Барбару», не поднимала ничего тяжелее стакана воды, постоянно брюзжала и раздавала ценные советы: «слишком затемнил», «неестественно высветлил», «не передал настроение» или «исказил форму». Они познакомились во время войны. Женщина несколько месяцев прятала его раненого, тогда еще лейтенанта, от немцев. Когда война закончилась Александр вернулся, и в знак благодарности сделал ей предложение. В последствии всю жизнь винил в этом Бога, повторяя, что в целом счастлив, но дважды Всевышний его сильно обделил. Первый раз, когда дал такую невыносимую жену, а второй – когда отнял ногу.

Ногу он потерял на учениях в пятьдесят лет. В «бобике» ехали четверо: он, два полковника и водитель. Вечерело. На болоте распевались лягушки, выстраивая исключительно неприятные для слуха интервалы. Из открытых окон тянуло задохнувшейся водой и карболкой. Кое-где прямо посреди беспорядочной зеленеющей травы пошатывались фиолетовые кусты дербенника. Он засмотрелся, и вдруг стало жарко и слишком светло. Учебный снаряд случайно попал в машину, в итоге трое погибли, а ему оторвало ногу выше колена. Пришлось долго валяться в госпитале, а потом всему учиться заново: ходить, мыться в ванной, водить машину и спускаться по ступенькам. Первое время он очень тосковал, читал молитвы от уныния и не находил себе места. Через месяц вспомнил о своем юношеском увлечении и попросил купить акварель. Заочно закончил художественную академию и начал рисовать исключительно с натуры. Очень точно изображал капуст-

Ирина Говоруха

ные грядки, отсеченные разделочным ножом карьеры, акациевые заросли, стоячие пруды с капризными кувшинками, соломенные крыши, покосившиеся заборы, кукурузные початки и падающее, словно в земляной карман, солнце.

Мира прибегала к нему сразу после школы, не переодеваясь и не обедая. Маршировала, широко ступая длинными ногами-циркулями, чтобы побыстрее научиться правильно держать свободной рукой кисть и изображать румяную булку хлеба с помощью линий и пятен. В мастерской, до потолка залитой солнечным сиропом, непрерывно звучали песни Антонова, Тото Кутуньо и Адриано Челентано, а художник, таская за собой непослушную искусственную конечность, расхаживал из угла в угол и объяснял:

– Вот, смотри. У тебя дорога. По законам перспективы она должна сходиться в одной точке. А она у тебя уходит вдаль такой же широкой лентой, как и на переднем плане. Все линии обязаны соединяться, даже если они за пределами видимости.

Затем показывал, как правильно смешивать краски, подчеркивая, что один лишний цвет даст мутность и грязь:

– Прозрачные смешиваются с прозрачными, а плотные с плотными. Постарайся избегать случайных движений, так как каждый мазок призван отвечать своему назначению. А у тебя две крайности: или анемичные рисунки, или петушиные хвосты.

Постепенно Мира освоила спичечные коробки, штриховку и простенькие натюрморты типа дыни Бухарки и веселой чашки с котятками.

Во время занятий он рассказывал о великих. О том, как маленький Лотрек любил лошадей и, бывало, пил лошадиное пойло и заедал черным хлебом, испеченным специально для собак. А когда крестили его брата, тоже пожелал оставить запись в метрической книге:

- Но ты же не умеешь писать.
- Ничего, я нарисую быка.

Вторым удовольствием после рисования были поездки к бабушке – бодрой, веселой и очень заводной маминой маме. Все каникулы они проводили вместе. По воскресеньям ходили на рынок и рассматривали товар. Бабушка восхищалась искусственными цветами, разноцветными тазиками и аляповатыми занавесками. Боялась грома, и каждый раз, когда начиналась гроза, пряталась под стол или в шкаф. Выращивала гладиолусы, пионы, гортензии. Жарила Мире толстые дрожжевые блины. Накрывала послеобеденный чай в саду, доставая праздничные мельхиоровые подстаканники, и кормила малиной, конопатым абрикосом и хвостатым крыжовником. Потом они ложились на кровать прямо под деревом, обнимались и засыпали.

Бывало, бабушка с мамой закрывались в летней кухне, и к Мире долетали ее сердитые фразы:

– Ты ее не понимаешь! Не чувствуешь! Скорбишь за привидениями и не видишь перед своим носом живых. Она тоже твой ребенок, и ей нужна мать. Ну, в кого ты, Верунь, такая уродилась? Пресная, как коржик. Мне так и хочется тебя присолить или присыпать сахарком.

В деревне было немного развлечений: свадьбы и похороны. Последние случались чаще, и бабушка брала ее

Ирина Говоруха

с собой. Мира побаивалась мертвецов. За свое детство она перевидала разных: и с широко открытыми ртами, внутри которых застыл последний вдох, и с синюшным цветом лица, и с выпученными глазами. Однажды в самый разгар лета умерла женщина, и ее два дня не хоронили, все ждали дочку из Владивостока. Когда покойницу наконец-то вынесли на улицу, ее лицо уже блестело и трескалось на глазах. Мире постоянно казалось, что в любой момент из носа ползут черви. Все подходили прощаться и целовали кто в руку, кто в платок. Мира, как честная девочка, выполняющая все правильно, поцеловала в лоб и отшатнулась. На губах осталась скользкая вонючая слизь. Она обтерлась рукавом и мужественно добыла до конца.

На поминки приходил блаженный Василий. Странный молодой человек без возраста с трехлитровой банкой в домотканой сумке. Он всякий раз просил, чтобы ему налили с собой капустняк, единственный за столом весело смеялся, толкал рядом сидящих и обещал: «Не переживай, я тебя тоже похороню». Много ел, за троих. Рассказывали, что однажды он пришел к отцу и объявил:

– Отец, я хочу жениться.

Тот рассмеялся и дал ему подзатыльник:

– Но ты же дурак. Куда тебе жениться?

Юноша смерил его презрительным взглядом и быстро нашелся с ответом:

– Но вы же женились...

Мужчина от неожиданности подавился слюной и на следующий же день уехал в соседнее село искать невесту. Поспрашивал и нашел такую же, обиженную Богом, девушку.

По вечерам, когда жара с оранжевого выгорала до палевого, они с бабушкой отправлялись за «конскими яблоками». Мира бежала впереди, чавкая и спотыкаясь об кочки. Шлепала задниками сандалий и только видела сморщенный сухой лошадиный кизяк, тут же горланила во все горло:

– Бабушка, кизяк!

Стояла над ним остолопом, брезгуя взять в руки, а бабушка подбегала и ловко бросала его в железное ведро:

– Это незаменимая вещь при артрите. Я его распарю в горячей воде и буду обкладывать колени. И соседке отнесем. У нее страшные головные боли. Она его подогреет на сковородке, засунет в полотняный мешочек, приложит к вискам, а сверху укутает пуховым платком.

С бабушкой было весело. Она ныряла лучше мальчишек и дольше всех задерживала дыхание под водой. Когда выбиралась на берег, обувала комнатные тапочки, завязывала платок и заводила «Чому розплетена коса». Водила Миру в кино на «Любовь и голуби». Угощала в «чайной» квасом и песочным печеньем. Брала с собой на вечерние посиделки, и девочка с большим интересом слушала старушечьи разговоры, рассматривала широкие юбки, белые длинные панталоны и желтые острые ногти, напоминающие когти орла.

Однажды летом, когда она перешла в четвертый класс, в селе случился конфуз. Женщина, разменявшая шестой десяток, родила ребенка. Об этом говорили все и всюду. В очереди за хлебом, в церкви во время воскресной службы и даже возле сахарного завода, когда ожидали свои плотноупакованные мешки.